

В гостиной на диване свернулся калачиком змей. Плед съехал в сторону, едва прикрывая туловище, а голова была глубоко зарыта в складки — спящий явно наслаждался моментом. Цин Шу присел рядом и осторожно пощекотал кончик показавшегося хвоста. Тот рефлекторно дернулся и тут же обвинил его палец.

Высвободив руку, Цин Шу слегка погладил змея по лысой макушке:

— Раз уж проснулся, хватит притворяться.

Здоровяк победоносно вскинул голову. "Ишь как, едва глаза пролепил, сразу побежал миловаться! Ха, этот человечиска даже не подозревает, что я всю ночь пролежал прямо под боком! Трепещи от счастья и благоговения, смертный!"

— Ночью в мою комнату прокрался?

Змей, только что вальяжно помахивавший раздвоенным языком, мгновенно замер. Затем его хвост с возмущенным глухим стуком ударил по диванной подушке. Какое ещё "прокрался"?! Любой двуногий свидетель подтвердит: он шел совершенно открыто, с гордо поднятой головой!

— Ещё и на мою кровать забрался.

Золотые змеиные зрачки расширились до предела.

Только сейчас до него дошло: дело дрянь. Парнишка всё понял... Но как?! Это же невозможно! С чего вдруг?

Его операция прошла идеально! Возвращаясь, он даже дверь за собой прикрыл хвостом. И чтобы не издать ни единого шороха, потратил на эту чертову дверь целых пять минут!

— Не стоит недооценивать человеческую чуткость, — со вздохом промолвил Цин Шу.

Он ведь не был пьян до беспамятства, чтобы не заметить столь очевидных вещей.

К тому же в последнее время этот змей совсем отбилась от рук. Что с ним станет, когда придётся сменить обстановку? Вдруг новый хозяин вспылит и сдуру продаст его бродячему цирку?..

Перед глазами Цин Шу всплыла жуткая картина: решётки чёрной железной клетки, кузов грузовика...

Змея зажимают железом, вырывают оба острых клыка, а его длинное гибкое тело сплошь

покрыто кровавыми рубцами от кнута укротителя.

Студёный декабрь. Трещат морозы. Едва живой змей ютится на гнилой, сырой соломе. Желудок свело от голода, во рту ни капли воды. Беспощадные циркачи сгоняют его с подстилки, заставляя корчиться ради развлечения публики и позировать для снимков... И в конце концов, когда наступает ласковый март, он испускает последний вздох, а рядом с его бездыханным телом распускаются нежные розовые цветы...

От таких мыслей Цин Шу стало не по себе. Дрожащей ладонью он прикрыл нижнюю часть лица, пытаясь сдержать нахлынувшую горечь.

Внезапно все проделки змея показались ему сущим пустяком. В конце концов, пробраться в комнату он разрешил молчаливым согласием. Единственной неожиданностью стало то, что этот наглец осмелился влезть в постель, но и тут весь урон свёлся к единственному куску змеинового выползка.

Чем устраивать разборки, Цин Шу куда больше хотел видеть его живым, беззаботным и по-прежнему наглым.

Поэтому Цин Шу посмотрел на змея с поистине отеческой теплотой и снисходительностью.

Рептилия ответила взаимностью: пара золотых глаз лукаво блеснула, а зрачки принялись хаотично вращаться — явно замыслилось что-то недоброе.

Цин Шу заметил, как взгляд змея сначала скользнул по его торсу, затем медленно опустился ниже и замер в одной весьма конкретной точке.

Змей уставился туда с особым пристрастием. И пусть разглядеть ничего не удалось, его пасть расплылась в двусмысленной, глумливой ухмылке, подтекст которой был бы понятен любому самцу.

От возмущения Цин Шу сжал пальцы в кулак и без лишних реверансов отвесил ощутимый щелчок по лысой змеиной макушке. То ли сработал принцип "с кем поведёшься", то ли эта чешуйчатая зараза окончательно его испортила, но намёк он понял мгновенно.

— Под "чувствительностью" я имел в виду восприимчивость к окружению! К привычной обстановке, где проводишь каждый день, а не то, что ты там себе вообразил!

Глядя на то, как змей с невозмутимым видом сворачивается в кольца, Цин Шу едва не потерял дар речи от злости:

— Да не встал он у меня!

Змей, разумеется, не поверил ни единому слову. Твёрдо убеждённый, что его ночная вылазка была безупречна, он списал всё на излишний трепет чуткого организма... Вальяжно вытянувшись, рептилия нацелилась мордой прямо в пояс его брюк, вознамерившись лично проверить обстановку.

Цин Шу в ужасе отшатнулся. Выхватив из кармана подсохший лоскут змеиного выползка, он с размаху бросил его перед чешуйчатым пронырой, а про себя мысленно перечеркнул живописные ужасы трагической фантазии жирным крестом.

Если этого гада реально продадут циркачам, молиться придётся за здоровье директора!

Он же разнесёт балаган к чертям и сам возглавит труппу!

Вальяжность со змея как рукой сняло. Поначалу он решил, что этот чистоплюй просто не умеет принимать шутки и от досады швыряется чем попало. Но стоило ему разглядеть, что за полупрозрачная плёнка валяется перед носом, как чешуйчатого чуть не разорвало от гнева.

Его?! Продала какая-то мелкая шелупонь?!

А-а-а-а! Какая дикая досада!

Закончив уборку и охапкой вынеся из спальни снятое постельное бельё, Цин Шу застал на диване странную картину: змей извивался, точно бесноватый, ведя ожесточённую войну с самим собой.

Подойдя ближе, Цин Шу увидел, как тот отчаянно впивается клыками в отслоившиеся чешуйки на собственном теле, пытаясь их содрать.

— Ты что творишь? — Цин Шу тут же отогнал его морду в сторону и внимательно осмотрел повреждённые участки. — Кто же так сдирает? Разве змеи не должны ждать, пока выползок сойдёт сам?

Подушечкой пальца он осторожно коснулся оголённого места:

— Не болит?

"Чему тут болеть, глупый двуногий?"

Змей косо взглянул на него.

Это всего лишь заводская плёнка! Вы, люди, когда распаковываете пакет, неужто

переживаете, больно ли целлофану?

Впрочем, терзать себя он прекратил. Не хватало ещё, чтобы этот непросвещённый человечиска устраивал панику на пустом месте.

Хун Лан вернулся около двух часов дня. Пришёл один — намеревался привести свою конуру в божеский вид до того, как отправится встречаться со Старшей сестрой.

Комната встретила его той же разрухой, что и в прошлый раз. Возле балкончика всё ещё пылилось гнездо, сооружённое змеем, но теперь обитель пустовала: след простыл, чай остыл.

Парень без церемоний сгреб весь этот хлам и вышвырнул в мусорное ведро. Окинув беглым взглядом убранство и решив, что чистить тут больше нечего, он отрыл в чемодане флакон дорогого парфюма и щедро оросил им все углы.

Удовлетворённо осмотрев результат, Хун Лан уже собрался расплыться в улыбке, как вдруг его взгляд зацепился за змея.

От увиденного симпатичное, бледное лицо юноши исказилось в такой мине, будто у него случился тяжёлый запор:

— Фу-у, да что с ним не так? Чем дальше, тем уродливее! Выглядит так, словно нацепил линиялы кальсоны с цветочным узором. Всю эстетику помещения мне портит!

Эти бубнящие придирки до единого слова долетели до змеиных ушей. Вскипев от ярости, чешуйчатый гигант взвился дыбом, намереваясь загрызть наглого белолицего юнца.

Хун Лан истошно визгнул, ноги его подкосились, и он со всего размаху шлёпнулся пятой точкой на пол.

У Цин Шу заломило виски. Он спешно схватил змея за хвост, силой оттаскивая стихийное бедствие назад. Теперь стало предельно ясно, за какие заслуги рептилия в прошлый раз гоняла парня дохлыми мышами — у того язык совершенно не держался за зубами.

"Ну каков бы ни был его вид, сравнить со старыми кальсонами — это уж слишком..." — успел подумать Цин Шу, но, опустив взгляд на чешуйчатого соседа, был вынужден признать: выглядит тот и впрямь паршиво.

Главная беда заключалась в том, что змей только что пытался содрать выползок вручную, причём весьма неравномерно. Обрывки чешуи торчали клочьями, придавая ему вид паршивого, плешивого пса.

Вдруг Цин Шу замер. Вглядевшись пристальнее, он заворожённо уставился на те участки, где старая кожа сошла.

Прежде этот змей казался совершенно невзрачным: серый, грязно-бурый, с самым банальным рисунком. Однако под содранным выползком проглядывала чешуя — глубокого, ночного чёрного цвета, отсвечивающая едва заметным, загадочным глянцем.

Именно этот контраст и создавал иллюзию паршивой плешивости.

Цин Шу погрузился в раздумья, не сводя глаз с бархатистой тьмы новых чешуек.

Такая деталь бросалась в глаза сразу. Почему же он не замечал странности до тех пор, пока Хун Лан не озвучил свою глупость?

Словно некая неведомая сила намеренно отводила ему глаза, искажая восприятие.

<http://bllate.org/book/19679/1946554>